

ЯПОНИЯ: «МЕСТО ПАМЯТИ» — ЯСУКУНИ И/ИЛИ ХИРОСИМА?

Василий Молодяков

Историческая память, по определению философа Александра Пятигорского, это «направление сознания человека на его прошлое». Она может быть позитивной и негативной, развиваться естественным путем изнутри мыслящей личности или направляться и регулироваться внешними факторами.

Значение исторической памяти для Японии и японцев традиционно велико. Не забираясь в глубь эпох, напомним, что именно апеллирование к исторической памяти — пусть в небольшой степени реконструированной или даже смоделированной — сыграло важную роль в формировании национальной идеи в рамках «школы национальных наук» и «школы Мито» в последней четверти XVIII — первой половины XIX вв., в подготовке и осуществлении консервативной

революции Мэйдзи исин 1868 г. и последовавших за ней преобразований, в выработке национальной идеологии того периода, когда Япония постепенно превращалась из экзотического цветка в современную державу. На протяжении всего периода после Второй мировой войны политическая, общественная и идеологическая борьба в Японии, культурные и духовные искания во многом были завязаны именно на исторической памяти. А как обстоит с этим дело в двадцать первом веке? Какова историческая память современных японцев?

Вопрос ставился не раз. Попыток ответа на него тоже немало. Японофилы восторгались силой и глубиной исторической памяти японцев, трепетно относящихся к своим национальным традициям, событиям и памятникам прошлого. Японофо-

бы, напротив, объявляли ее короткой и избирательной, чтобы прямо не сказать лицемерной, апеллируя к событиям Второй мировой войны и предшествовавшего ей десятилетия. Избирательность исторической памяти присуща всем народам с долгой историей. У каждого есть «светлое прошлое», которым можно гордиться, и «темное прошлое», которого следует стыдиться.

Историческую память современных японцев определяют следующие признаки. Во-первых, несомненный и искренний, хотя зачастую неглубокий, интерес к собственному прошлому в масштабах как страны и нации, так и локального общества или семьи. Это предполагает отношение к прошлому как к важному национальному достоянию, даже как к национальной ценности. Во-вторых, обращенность к материальным памятникам — от храма до свитка, ориентация на «физическое» сохранение прошлого. В-третьих, несомненная избирательность этой памяти в отношении событий XX в. диктуется воздействием внешних вызовов, что, конечно, более заметно на государственном, а не на частном уровне. Наконец, она не травмирована воздействием гражданских войн или кровавых революций, как во Франции, США или России.

Японцы издревле высоко ценили воинские доблести, поэтому военные сюжеты занимали важное место в их исторической памяти. Так продолжалось до поражения во Второй мировой войне, после которой победители предложили побежденным навеки забыть о «бранной славе». Исторической памяти было нелегко справиться с этим вызовом, наложившимся на память о недавней войне, которая напрямую затронула все население страны. Не говоря о двух атомных бомбах, население испытало на себе разрушительные американские бомбардировки, блокаду, продовольственный кризис, а отдельные группы — плен и депортацию из Китая и Кореи. Послевоенная пропаганда победителей

внушала японцам, что во всем виноваты они сами или, по крайней мере, их правители, но никак не внешние силы. Процессы «военных преступников» были приняты японцами относительно спокойно, но скорее как закономерная кара по принципу «горе побежденным», нежели как торжество права и справедливости.

Полностью искоренить эту память было невозможно, поэтому она сохранилась в относительно безобидной, с точки зрения «политкорректности», форме самурайской романтики, воспринимаемой в нынешней Японии как «свое кровное», но никак не связанное с современностью. Впрочем, кроме самурайских фильмов, здесь есть еще храм традиционной японской религии синто Ясукуни, расположенный в центре Токио и имеющий филиалы во всех 47 префектурах страны.

В прежние времена советским людям строго-настрого запрещалось посещать Ясукуни и расположенный на его территории военный музей Юсюкан, как и музей маршала Маннергейма в Хельсинки. Теперь русская речь здесь хоть и не часто, но слышна. «Государевы люди» по-прежнему боятся, «как бы чего не вышло», зато туристы, среди которых профессора и академики, депутаты и банкиры и даже один бывший премьер, захаживают. Потому что Ясукуни — это сама история современной Японии. И весьма интересное место для познания японского духа.

Кого-то может удивить сочетание синто и почитания погибших. Действительно, вся похоронная обрядность, все, что связано с кладбищем и упокоением душ, находится в ведении буддистов. Но культ предков, восходящий к глубокой древности, является основой синто и вообще всей японской цивилизации и духовной культуры. Без культа предков Япония немыслима. Но синто — не только культ предков. Это еще и культ императора, культ родины. Человек, погибший в бою, выполнил свое главное предназначение — отдал жизнь за императора и за родину.

Самое первое здание Ясукуни было построено в 1869 г. Сначала храм назывался Сёконся — «святилище духов героев». Название стало нарица-

тельным: такие мемориалы в честь погибших на войне строились и по месту жительства, и по месту службы, например, в университетах — в память студентов, выпускников и преподавателей. Современное название, означающее «храм мира в стране», он получил в 1872 г., когда было сооружено его нынешнее здание. Его несколько раз ремонтировали, заменяя отдельные детали постройки, но общий облик остается неизменным.

Хорошо или плохо поступают те люди, которые приходят в Ясукуни? Думаю, что хорошо. Лучше помнить, чем не помнить. Лучше пок-

лоняться памяти павших, чем не поклоняться. Почитание павших, независимо от масштаба — семейного или общенационального — это нравственная необходимость. Ведь еще Пушкин завещал нам «любовь к отеческим гробам».

Поклонившись памяти павших — или просто постояв в молчании, если вам мешает конфессиональная принадлежность (для самих синтоистов их вера совместима с любой другой религией), — пройдем в Юсюкан, Дом доблестных мужей, расположенный на территории храма. Созданный еще при императоре Мэйдзи,

Атакующий самурай. Фрагмент картины

Японские военнопленные на острове Гуам, склонив головы, слушают объявление императора Хирохито о безоговорочной капитуляции Японии

до войны этот музей был объектом государственного культа. После войны американские оккупационные власти приказали закрыть его, но, к счастью, все экспонаты сохранились. В 1985 г. Юсюкан открыли вновь. Десять лет назад к нему пристроили новый корпус.

Это не столько музей генералов, сколько музей солдат. Генералы и солдаты уравнены между собой — все они отдали жизнь за родину и императора, все стали ками. В новом корпусе наибольшее впечатление производят залы, где стены от пола до потолка завешаны фотографиями погибших — всех, кого удалось найти и идентифицировать. У нас был такой девиз: «Никто не забыт и ничто не забыто». Что это значит не на словах, а на деле, я по-настоящему ощутил только здесь. В храме имеются специальные регистры, куда заносят фамилии погибших — раз в году, по осени. Раньше все было очень торжественно, в присутствии военных чинов и синтоистского духовенства.

Теперь это сугубо храмовая церемония. В последние годы регистры пополняются одной-двумя фамилиями погибших или пропавших без вести, кого удалось идентифицировать. Главное, что память жива.

С одной стороны, японцам как бы запрещено гордиться войной на Тихом океане, причем не только генералами, но и рядовыми. С другой стороны, почитание памяти погибших — вековая национальная традиция, которую невозможно уничтожить. Историческая память общества балансирует между этими крайностями. Почитание погибших, отказаться от которого японцы не могут, объявляется не имеющим ничего общего с оправданием и тем более прославлением милитаризма. Символом этого стала так называемая «проблема храма Ясукуни», в котором, среди прочих, почитаются души «военных преступников», казненных по приговору Международного военного трибунала для Дальнего Востока или умерших в заключении.

Пока японские премьер-министры ходили в Ясукуни как частные лица, не афишируя своих визитов, все было более-менее спокойно. Первый заметный скандал разгорелся в 1982 г. — когда 15 августа (этот день считается в Японии днем окончания Второй мировой войны, в память оглашения императорского рескрипта о капитуляции) тогдашний глава правительства Ясухиро Накасонэ привел туда чуть ли не весь свой кабинет в парадных костюмах и демонстративно расписался в книге посетителей с указанием своей должности. Однако и он счел нужным сказать: «Я пришел сюда не к Тодзио (премьер-министр Японии в 1941–1944 гг. и главный «военный преступник». — В.М.), а к своему брату, погибшему на войне».

«Ультраправые», которые ездят по Токио на микроавтобусах, гоняя через громкоговорители военные марши и агрессивно выкрикивая что-то нечленораздельное, требуют узаконить эти визиты как обязанность государственных мужей. «Левые» поднимают крик при приближении любого должностного лица или народного избранника к заветным токийским храмам. В Китае и Южной Корее официально заявляют протесты японским послам, а неофициально — жгут японские флаги. Токио деликатно отмалчивается.

И как будто никто не знает, что в Японии нет ни Арлингтонского кладбища, ни Могилы неизвестного солдата. Что в Ясукуни почитают погибших не только в войне на Тихом океане. Что на его территории нет никаких захоронений, тем более «военных преступников» — очень многие, в том числе японцы, уверены в обратном. Что «ультра» с громкоговорителями — маргинальные полубандитские группки, политический вес которых равен нулю. Что о пересмотре конституции говорят со времени ее принятия — более шестидесяти лет. Что и в КНР, и на Тайване, и в обеих Кореях существует всего по одному, государственному учебнику истории. И так далее...

Ясукуни и Юсюкан — символ мучительной раздвоенности исторической памяти японцев в отношении своего «темного прошлого». Святилище пользуется популярностью у простого народа, включая мо-

лодежь, — свидетельствую это на основе многолетних личных наблюдений. С другой стороны, школьному учителю не придет в голову организовано привести сюда своих учеников — не избежать неприятностей со стороны начальства, а, возможно, и родителей. В книжной лавке Юсюкана продается множество «аполло-гетической» литературы о войне в Китае и на Тихом океане, но она почти не переводится на иностранные языки. Зато здесь нет разоблачительной литературы, в изобилии представленной на японском и английском языках в крупных магазинах. Одним словом, двойной стандарт в действии, дабы все приличия были сохранены.

Вторым «местом памяти» для японцев являются Хиросима и Нагасаки, точнее, Хиросимский мемориал мира как материальное воплощение воспоминаний о трагедии атомных бомбардировок. Читателя может удивить, что я пишу о Хиросиме после Ясукуни, хотя первое из этих мест пользуется гораздо большей известностью.

Японский генерал Ямасита Томоюки

Это верно — но для внешнего мира, в котором слово Хиросима из имени собственного превратилось почти в нарицательное: в старых «страшилках» о глобальной ядер-

ной войне, которая поразит Европу, фигурировало слово «евросима». На «внутреннем рынке» ситуация обстоит иначе. В национальном масштабе японцы вспоминают Хиросиму лишь в годовщину бомбардировки 6 августа да при каких-нибудь внешних вызовах или информационных поводах вроде призывов американского президента Барака Обамы к безъядерному миру. В остальное время для всех, кроме самих хиросимцев, это просто крупный промышленный город, центр одноименной префектуры и возможный претендент на проведение Олимпийских игр. Ясукуни же находится в центре Токио и привлекает к себе много разных людей по самым разным поводам.

Сторонних наблюдателей удивляет, почему память об атомных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки не мешает японо-американскому военно-политическому союзу. Проще говоря, почему японцы простили это американцам?

Причин несколько. Главная в том, что американцы выиграли,

Американский офицер на одном из военных праздников в Японии

Храм Ясукуни: вид на главное здание

Памятник пилоту-камикадзе около храма Ясукуни

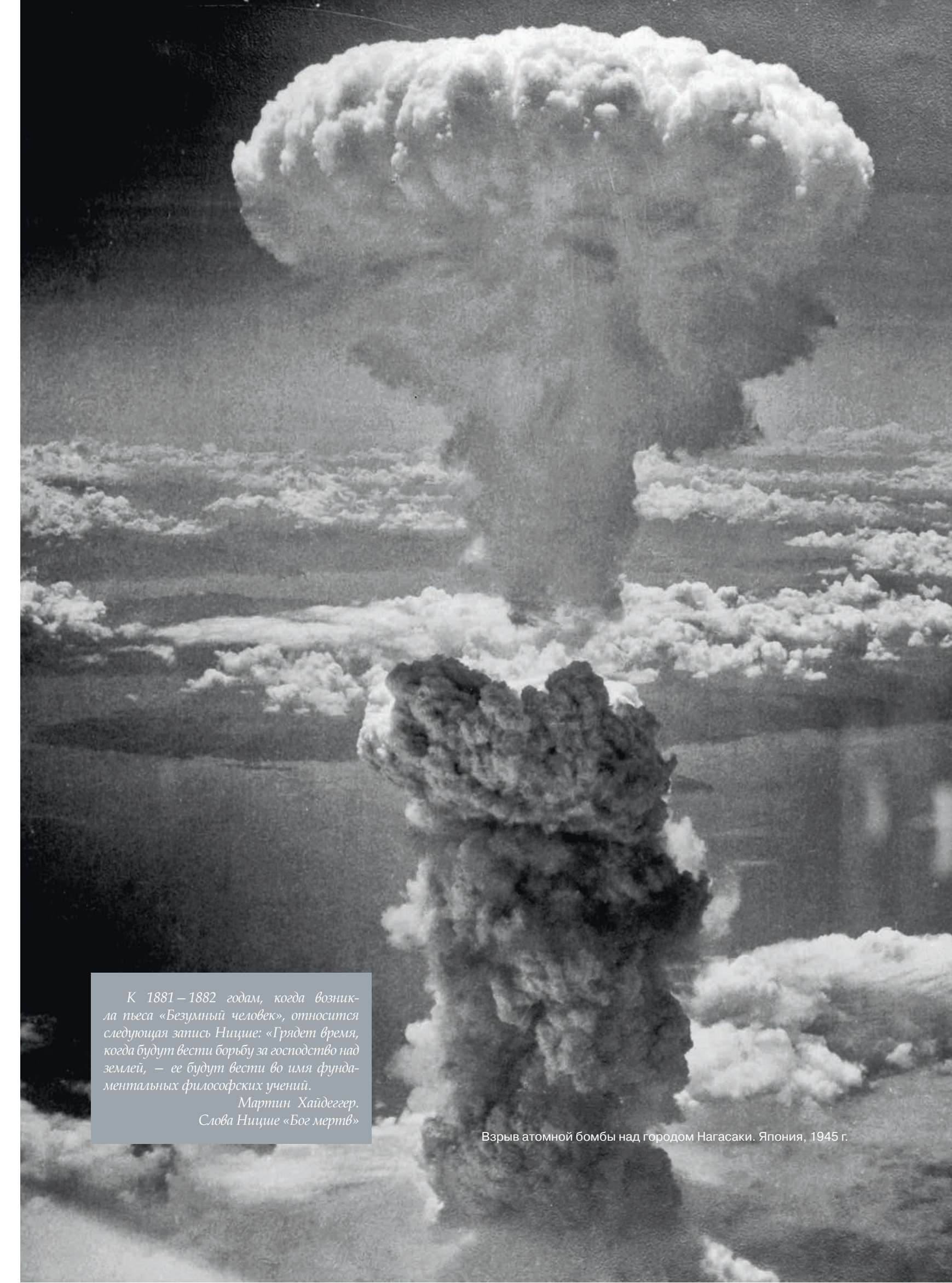
а японцы проиграли войну. Затем победители объяснили им, что именно ядерные бомбардировки вынудили тогдашнее японское правительство принять Потсдамскую декларацию и капитулировать перед союзниками, а это, в свою очередь, спасло от гибели многие миллионы японцев, готовых сложить голову во время обороны островов. Затем американцы взяли Японию под свой «ядерный щит», чем избавили ее экономику от колоссальных военных расходов, а на деньги, которые были бы потрачены на оборону, в стране было построено образцовое общество потребления. Наконец, в условиях «холодной войны» надо было просто принимать волю Большого Брата.

В 1996 году Япония добились включения Хиросимского мемориала мира, включая знаменитый «Атомный купол» — развалины выставоч-

ного центра, построенного по проекту чеха Яна Летцела в 1914–1915 годах — в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Китайцы и американцы возражали: первые считают себя главными жертвами японской агрессии в 1937–1945 годах, вторые не признают себя виновными. С ними согласны и некоторые японцы, вроде министра обороны Фумио Кюмы, который несколько лет призвал соотечественников быть благодарными американцам за Хиросиму и Нагасаки — дескать, иначе страну бы захватили страшные русские. В течение суток после этого откровения Кюма перестал быть министром, причем исключительно по собственному желанию, но осадок, как говорится, остался.

В общем, для одних японцев прошлое уже прошло, а для других нет и, похоже, никогда не пройдет.

а

A black and white photograph of the atomic bombing of Nagasaki, Japan, in 1945. The image shows a massive, billowing mushroom cloud rising from the city, with a thick column of smoke and debris at its base. The cloud's cap is large and rounded, spreading out at high altitude. The surrounding sky is filled with smaller, scattered clouds.

К 1881—1882 годам, когда возникла пьеса «Безумный человек», относится следующая запись Ницше: «Грядет время, когда будут вести борьбу за господство над землей, — ее будут вести во имя фундаментальных философских учений».

Мартин Хайдеггер.
Слова Ницше «Бог мертв»

Взрыв атомной бомбы над городом Нагасаки. Япония, 1945 г.